

Ошибки и софизмы „исторического“ взгляда на революцію.

По поводу статьи К. I. Зайцева.

Печатаю статью К. I. Зайцева, написанную со свойственнымъ ему талантомъ и широтой захвата, я не могу, въ дополненіе къ разсужденіямъ помѣщенной выше моей статьи „Россія“, не подчеркнуть нарочито своихъ разногласій съ авторомъ.

Разногласія эти двоякаго рода: историческія и морально-политическія. Начну съ первыхъ.

Авторъ разсказываетъ цѣлый рядъ анекдотовъ стараго порядка для того, чтобы наглядно показать стремительность культурнаго и соціальнаго развитія Россіи. Нельзя сказать, чтобы Россія въ этомъ отношеніи рѣзко отличалась отъ западныхъ странъ. Въ началѣ XVIII вѣка въ Англіи была, на примѣръ, широко распространена вѣра въ то, что прикосновеніе руки короля можетъ исцѣлять больныхъ и творить чудеса. Вообще, между той Англіей начала XVIII в., которую изображаетъ Лекки въ своей извѣстной исторіи и Англіей его эпохи, различіе было, быть можетъ, не меньше, чѣмъ между Россіей XVIII в., которую характеризовалъ Ключевскій, и той Россіей, современникомъ которой былъ онъ и отчасти были всѣ тѣ изъ насъ, кто началъ сознательную жизнь въ XIX в. Культурное разстояніе между высшими и низшими классами Англіи, быть можетъ, всегда было не меньше, чѣмъ въ Россіи.

Подборъ анекдотовъ, приводимыхъ К. I. Зайцевымъ,*) исторически гораздо меньше характеризуетъ русскій „старый порядокъ“, чѣмъ собственныя слова автора: „русская армія, русская бюрократія, русское земство, русскій судъ являли собой примѣры не только быстро и рѣшительнаго прогресса, но и обладали объективной полноцѣнностью по

*) Этотъ подборъ напоминаетъ по стилю и содержанію извѣстные анекдоты Де Мэстра и Гриваля, изданные въ 1879 г. отцомъ П. Гагаринымъ, и „De miribus Ruthenorum“ Виктора Гена.

сравненію съ опытомъ Запада“. Эти слова иллюстрируютъ ту основную мысль, которую я всегда проводилъ и которая одна уже избличаетъ сравненіе между французской и русской революціей, какъ исторически совершенно несостоятельное:

большая часть задачъ французской революціи была въ Россіи осуществлена т. н. старымъ порядкомъ.

Вообще, примѣняя терминъ „старый порядокъ“ къ Россіи до февральской революціи, нужно памятовать, что смыслъ этого термина по существу совсѣмъ не тотъ, что въ отношеніи дореволюціонной Франціи.

Основной источникъ русской революціи не въ объективныхъ условіяхъ существованія „народа“ и вообще не въ „народѣ“, который есть въ этой драмѣ страдательное лицо, гораздо болѣе жертва революціи, чѣмъ ея дѣлатель, а въ отравленіи интеллигенціи социалистическимъ максимализмомъ и въ томъ, что эта отравка, просочившись въ народъ, отразилась и послѣдній.

То окончательное историческое осмысливаніе революціи, которое предпринимаетъ К. І. Зайцевъ, предполагаетъ вообще, что во всѣхъ историческихъ процессахъ и дѣяніяхъ есть смыслъ. Русская революція какъ разъ опровергаетъ этотъ историческій рационализмъ и оптимизмъ.

Еще одно замѣчаніе. Да проститъ мнѣ, столь не любящій народниковъ и народничество, авторъ, но его разсужденія о томъ, что политическая свобода высшихъ классовъ до освобожденія крестьянъ принесла бы Россіи вредъ, есть разсужденіе чисто народническое и исторически несообразное. Исторія Россіи именно и показала, что для непрерывнаго и мирнаго развитія необходима была постепенность политическаго освобожденія. Правъ былъ не Н. И. Тургеневъ, а гораздо менѣе „либеральный“, но во много разъ болѣе умный Н. С. Мордвиновъ, сказавшій, что, „лѣстницу нужно мести сверху“. Перефразируя мой афоризмъ о Ленинѣ и кн. Дм. Мих. Голицынѣ, авторъ говоритъ о возможности „земельной реформы“ въ XVII в. при царевнѣ Софьи! Меня удивляетъ, какъ ученый экономистъ можетъ высказывать такія странныя сужденія. Въ XVII в. „земельная реформа“ (т. е. освобожденіе крестьянъ) была экономически непредставима и неосуществима. Болѣе того: даже въ концѣ XVIII в. и въ

началъ XIX в. для власти, считающейся съ экономической обстановкой, а таковой, по существу дѣла, не можетъ не быть всякая историческая власть, ставилась задача прежде всего личнаго освобожденія крестьянъ и, въ связи съ этимъ, созданія, въ рамкахъ крѣпостныхъ отношеній, крестьянской собственности*). Вѣдь именно тѣмъ западное развитіе отличается отъ русскаго, что Западъ еще въ рамкахъ крѣпостныхъ отношеній создалъ крестьянскую собственность.

Реформа 19 февраля была испорчена не „помѣщичьимъ правящимъ классомъ“, а народничающей бюрократіей, которая для того, чтобы „охранить“ крестьянъ отъ экономическаго и политическаго вліянія помѣщиковъ, не только сохранила, но наново конструировала и земельную общину, и административное крестьянское общество, и вообще административно-сословную особность крестьянъ**). Вѣдь не нужно забывать, что идея всесословной волости стала лишь въ 80-хъ годахъ XIX в. и позже идеей „либеральной“ и „освободительной“ — въ 60-хъ и 70-хъ г.г. эта идея была помѣщичьей „затѣйкой“ и „реакціоннымъ“ покушеніемъ на крестьянъ и ихъ самостоятельность. Сейчасъ великая столыпинская реформа испытываетъ на нашихъ глазахъ то же изумительное превращеніе, которое совершилось съ идеей всесословной волости, становясь какъ бы той соціально-политической осью, вокругъ которой начинаетъ въ умахъ значительной части русской интеллигенціи складываться идеальный и реальный образъ крестьянской собственности Россіи. Выходитъ даже такъ — и это неотвратимое впечатлѣніе отъ всего разсужденія К. І. Зайцева! — что вся русская революція совершилась для того, чтобы цѣлостно и послѣдовательно сперва внѣдрить въ умы, а затѣмъ воплотить въ жизнь основную идею столыпинской реформы.

Я готовъ это признать, подъ этимъ выводомъ я, какъ историкъ, экономистъ и соціологъ, обѣими руками подписываюсь, но какъ политикъ я къ этому прибавляю:

*) Такова и была теоретическая постановка проблемы освобожденія крестьянъ въ екатерининское время („Задача“ Вольнаго Экономическаго Общества!).

**) Едва ли не самой яркой идейной фигурой этой народничающей бюрократіи является человекъ, самъ отнюдь не бывший чиновникомъ: Юрій Самаринъ. По своимъ историко-философскимъ взглядамъ онъ былъ славянофиломъ-народникомъ, а по складу своего политическаго ума и по своему политическому темпераменту воспитанникомъ прусской государственности.

Поймите же послѣ этого, что вся революція была воистину произведена въ пустую.

Ибо для того, чтобы отвести тѣ жалкіе остатки сословнаго строя, которые сохранились въ Россіи къ февралю 1917 г., и проложить путь основнымъ началамъ столыпинской реформы вовсе не нужно было сокрушать великое государство, разрушать русскую промышленность, подрывать русское сельское хозяйство и, наконецъ, уморить миллионы христіанскихъ и не христіанскихъ, въ огромномъ большинствѣ „крестьянскихъ“ душъ.

Я приѣмлю тотъ историко-философскій выводъ, къ которому приходитъ К. І. Зайцевъ, но я дѣлаю изъ него единственно логическій нравственный и политическій выводъ. И это тѣмъ болѣе, что къ сожалѣнію я не могу заразиться революціоннымъ оптимизмомъ К. І. Зайцева. Пусть основная столыпинская идея русской революціи теперь прочно насаждена въ умахъ и интеллигенціи и народа — я думаю, что и въ этой предпосылкѣ — увы! — заключается огромное преувеличеніе — но вѣдь и „интеллигенція“ и „народъ“ и вся вообще Россія въ результатѣ революціи такъ отощали и изнеможены, что и съ лучшими идеями эта заморенная Россія долго еще будетъ еле жива.

Крестьянская собственность — идейное завоеваніе революціи.

Крестьянское разореніе и моръ это — ея реальныя завоеванія.

Пусть историческая стихія несетъ съ собой идейныя завоеванія, но мы не должны, не имѣемъ никакого нравственнаго права забывать о тѣхъ преступленіяхъ и преступникахъ, которые обрушили на Россію и русскихъ людей „реальное завоеваніе“ крестьянскаго мора.

Да, въ Россіи невозможна реставрація, невозможна также, какъ голыми, изможденными и трясущимися руками нельзя на погорѣломъ мѣстѣ соорудить дворцы и храмы, но реставрація настолько невозможна въ Россіи, что нелѣпо этимъ понятіемъ и словомъ кого либо пугать.

Это неразумная и плохая политика.

Болѣе того, это — моральная ошибка, ибо извращаетъ историческую перспективу и даетъ пищу демагогіи.

И тутъ я прихожу къ основному морально-политическому

разногласію своему съ авторомъ. Я увѣренъ, что ему лично чужда всякая снисходительность къ той постыдной и лживой демагогіи, которая играетъ на исторически несостоятельной идеѣ реставраціи. Но нельзя дѣлать себѣ никакихъ иллюзій: такая демагогія чрезвычайно распространена и именно въ „русскомъ бѣженствѣ“.

Эта революціонная демагогія тѣхъ людей, которые, какъ правильно указываетъ самъ К. І. Зайцевъ, расчетъ революціи сдѣлали „безъ хозяина“, пытается оживить мертвыя и мертвыя идеи, опровергнутыя и отвергнутыя жизнью, обанкротившіяся и опозоренныя въ революціи.

Сейчасъ есть только одна вредная политическая романтика.

Это — романтика идеализаціи революціи.

Въ самомъ дѣлѣ мы уже прошли черезъ революцію и мы, конечно, должны итти впередъ. Но пойти и итти впередъ мы можемъ, лишь вернувшись къ истокамъ и источникамъ нашего національнаго бытія. Уйдя отъ лжи и мора, мы должны возродить и возродить Святую Русь и Великую Россію.

Внѣ этого намъ и нашимъ сыновьямъ предстоитъ политическая смерть и нравственная гибель.

Разсужденія К. І. Зайцева есть всетаки плохая историческая метафизика, въ которой историческія реальности замѣняются какими то философическими тѣнями. Эта историческая метафизика падаетъ, какъ карточный домикъ, отъ одного простого и неотразимаго констатированія:

Отъ дореволюціонной Россіи было во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ближе къ основанной на крестьянской собственности свободной и богатой Россіи, чѣмъ отъ ограбленной и поруганной революціей „совдепіи“.

Но плохая историческая метафизика революціи есть въ то же время чрезвычайно опасная морально-политическая легенда о революціи. Въ туманѣ этой легенды изъ зрѣнія и совѣсти русскихъ людей могутъ исчезнуть груды крестьянскихъ труповъ, которыми Россія расплачивается теперь за революцію. Лжецы и демагоги будутъ утѣшать „крушеніемъ самодержавно-помѣщичьей Россіи“ въ крушеніи Россіи и гибели милліоновъ русскихъ людей. Боюсь, что на высоты историческаго созерцанія, вмѣстѣ съ метафизиками и вслѣдъ

за ними, взберутся политическіе фальшивомонетки, и изъ историко-философскихъ видѣній и обобщеній первыхъ послѣдніе начнутъ стряпать новые обманы для и безъ того уже обманутаго народа.

Да не будетъ этого! Да соберется духовная рать, которая съ величайшимъ порывомъ ввысь соединитъ трезвую историческую и политическую мысль и пусть она выкуетъ для русскаго духа твердую броню противъ всякихъ революціонныхъ легендъ. Ибо сейчасъ намъ всего больше грозитъ именно эта наигоршая духовная опасность. Врагъ физически уже себя уничтожилъ, не будемъ его духовно гальванизировать.

Петръ Струве.